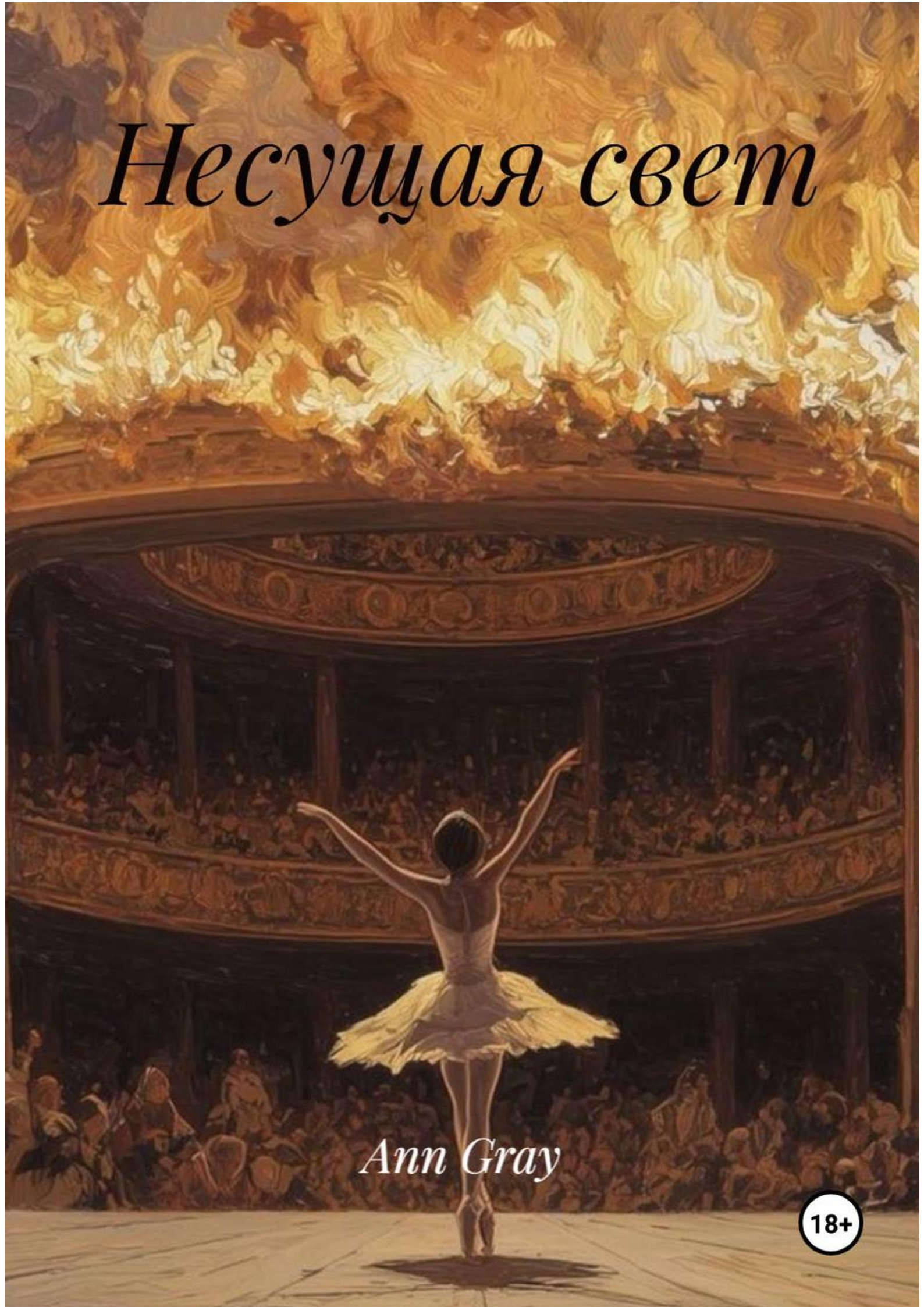

Несущая свет

Ann Gray

18+

Ann Gray

Несущая свет

«Автор»

2026

Gray A.

Несущая свет / А. Gray — «Автор», 2026

В сверкающем мире петербургских балов юная балерина Анна балансирует между искусством и пугающей ее магией: её сила — огонь, готовый вырваться в миг волнения. За кулисами кипят страсти: ее подруга Рита устала от ее инфантильности, Виктор Степанович пытается удержать театр и Анну от сплетен и интриг. Всё меняется с появлением отца Авраама Мортебата — влиятельного главы миссионерского общества. Анне следовало прятаться и держаться от него подальше, но она влюбляется в него. В роковой вечер, когда интриги сплетаются в тугой узел, а магия может погубить всех, каждому герою предстоит выбрать: остаться в тени чужих ожиданий или шагнуть навстречу судьбе. От этого выбора зависит не только будущее театра, но и жизнь тех, кто в нём танцует.

© Gray A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ann Gray

Несущая свет

Пролог

Сенатская площадь в тот день казалась не частью великого города, а огромной ледяной чашей, в которую стекался весь холод Петербурга. Гранитные плиты, отполированные дождями и ветрами с Невы, отливали свинцовым блеском. Вокруг высились строгие фасады — Сенат и Синод, будто два суровых стража, наблюдавшие за тем, что творилось внизу. По правую и левую сторону от Медного всадника возведены несколько кострищ. Серые дрова лежали ровно и ждали своего часа. В центре деревянный помост, выстроен наспех, но крепко, с расчётом на то, чтобы выдержать и тяжесть тел, и тяжесть чужих взглядов. Доски потемнели от влаги, но коегде ещё проступала свежая светлая древесина — будто сама площадь стыдилась этой новой детали в своём торжественном облике.

Над площадью висел тяжёлый, сырой туман, смешанный с едким запахом гари: по углам площади жгли костры, где тлели пожитки приговоренных и чтобы хоть немного отогнать промозглый холод. Но тепло не доходило до сердца площади. Здесь царил иной холод тот, что сковывает дыхание и заставляет кровь стынуть в жилах.

Толпа собралась плотная, разношёрстная: рядом с чиновниками в форменных сюртуках стояли купцы в тяжёлых шубах, мелькала простая одежда мастеровых и крестьян, привезённых в столицу по делам или на заработки. Кто-то крестился, кто-то шептал молитвы, а кто-то, напротив, смотрел с мрачным любопытством, будто пришёл на редкое представление. Над всем этим висела напряжённая тишина, прерываемая лишь редким кашлем, скрипом сапог по мокрому камню да отдалённым криком чаек над Невой.

Солдаты звенели оружием и скрипели кожаными сапогами, пока оцепляли толпу от помоста и кострищ. Их ряды были ровны, лица неподвижны, как у каменных изваяний; они будто старались не замечать ни дрожи в собственных пальцах от холода, ни того, что им предстоит стать немymi свидетелями чужой беды. Каждый их шаг отдавался в груди маленькой Анны глухим эхом, словно отсчитывая последние мгновения её прежней жизни. Марфа крепко обнимала ее за плечи одной рукой, а другой прикладывала платок к заплаканным глазам.

На помост вышел человек в черном одеянии. Епархиальный миссионер, присланный из губернии по приказу императора, чтоб «отчистить последний город от скверны».

В его лице не было ни гнева, ни радости, только ледяная уверенность в том, что он творит правое дело. В руке он держал книгу, и каждый его жест был отточен, как движение палача. За его спиной, выстроившись в шеренгу, замерли стражники в тёмнозелёных мундирах неподвижные, словно изваяния, и оттого ещё более пугающие.

— Ведите. — Бросил он подоспевшему солдату.

Тот кивнул и махнул рукой, куда-то вдаль.

Из серой пелены тумана, будто вырастая из самой мостовой, выступили фигуры в серых шинелях — ещё несколько солдат, державших наперевес ружья, с тускло поблескивающими штыками. Они вели двадцать человек, состоявших в разных сословиях: кто-то был простым бродягой, в залатанной, промокшей до нитки одежде, чья вина, быть может, заключалась лишь в том, что он оказался не в том месте и не в тот час; кого-то обвинили в измене. Эти шли с гордо поднятыми головами, будто даже в оковах не желали расставаться с остатками былого достоинства; закованными были даже аристократы: на одном из них, несмотря на сырость и грязь, ещё угадывались следы дорогого сукна, а на запястье поблёскивала тонкая золотая цепочка, нелепая и трогательная в этом мрачном шествии.

Семья из пяти человек шла ровно, почти в ногу, словно сама их сплоченность, была вызовом этому ледяному дню. Отец шёл впереди, ссутулившись, но, не согнувшись. Он будто старался стать стеной между своими близкими и тем ужасом, что ждал впереди. За ним двигались мать с грудным ребенком на руках.

В этом разнородном шествии было, что невыносимо горькое: контраст между надменными взглядами одних и полными ужаса глазами других, между остатками роскоши и крайней нищетой, между твёрдой решимостью и полным смятением. И всё же всех их связывало одно – цепи, глухо позвякивавшие при каждом шаге, и эта ровная, жуткая поступь, которая звучала как приговор.

Анна, зажата Марфой, смотрела на эту процессию, и сердце её сжималось так, что становилось трудно дышать.

— «Матушка!» — мысленно крикнула она женщине с младенцем, веря, что та услышит, будто в этом безмолвном зове была какая-то древняя, забытая сила, способная преодолеть и расстояние, и шум толпы, и даже саму смерть.

Женщина обернулась словно её потянула за невидимую нить, какая-то отчаянная, почти животная тяга. И посмотрела Анне прямо в глаза. Взгляд глубокий. Выжженная годами усталость и вместе с тем упрямая, несгибаемая воля, которая не позволяла ей сломаться, даже когда всё вокруг рушилось.

— «Живи, умоляю» — сказала она глазами, и в этой безмолвной фразе уместилось столько, сколько не вместили бы и сотни слов. В ней звучал тихий приказ, который нельзя слушаться, как нельзя слушаться материнского благословения. В ней была просьба, тяжёлая, как камень, и лёгкая, как дыхание спящего младенца. В ней был целый мир, который женщина пыталась передать своей дочери, зная, что сама уже не сможет ее защитить.

Стражник грубо дёрнул женщину за локоть, заставляя отвернуться, идти вперёд, туда, где ждал помост и где каждый шаг становился всё тяжелее, будто земля сама цеплялась за ноги, не желая отпускать. Женщина не обернулась больше. Только на миг её пальцы крепче сжали ткань пелёнки.

Миссионер раскрыл книгу. Страницы шелестели, как сухие листья под сапогами зимы. Он начал читать негромко, но отчётливо, так, чтобы слова проникали в уши, в разум, в самую душу, не оставляя места сомнению.

— Во имя господи нашего! Да отчистятся души ваши от грехов смертных, да от влияния дьявольского. Придет мир к вере, и познают люди истину, дабы не быть обманутыми ворожеями, ведьмами, колдунами. Засим я объявляю исполнение приговора.

Это были не просто строки приговора – это было отлучение от мира живых, произнесённое вслух, при свидетелях, под свинцовым небом Петербурга. Эти слова прозвучали как удар колокола в пустой церкви — гулко, беспощадно, окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.